

указанием римского номера (II) и страницы; Избранные пословицы и поговорки русского народа / сост. Н. П. Колпакова, М. Я. Мельц, Г. Г. Шаповалова. М., 1957. С. 136–137. Далее ссылки на пословицы из этого издания приводятся в тексте в круглых скобках с указанием римского номера (III) и страницы.

6. Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. М., 1904. Т. I–III.

7. См.: Труды Черкесского НИИ. 1954. Вып. 2. С. 323–326.

8. Пословицы и поговорки народов Карачаево-Черкесии. Оригинал и перевод на русский язык / сост. Р. А.-К. Ортабаева, М. И. Мижаев и др. Черкесск, 1990. С. 301–360. Далее ссылки на пословицы из этого издания приводятся в тексте в круглых скобках с указанием римского номера (IV) и страницы.

9. Мирский М. Б. Медицина в России XVI–XIX веков. М., 1996. С. 22.

10. Трепавлов В. В. «Орда самовольная»: Кочевая империя ногаев XV – XVI веков. М., 2013. С. 174.

A. S. MALAKHOVA, S. N. MALAKHOV. POPULAR IDEAS OF AN ILLNESS IN THE RUSSIAN AND NOGAY PROVERBS OF THE XVII–XVIII CENTURIES AS REFLECTION OF SPECIFICITY OF AN ETHNIC WORLD PICTURE

There is given comparative analysis of Russian and Nogay paremies expressing the valuation aspects of the concept «illness». There are considered the similarities and differences in the interpretations of the given concept in the Russian and Nogay paremic and ethnic world pictures.

Key words: perception of an illness, paremy, Russian and Nogay proverbs, ethnic world picture.

С. Ю. ПАЛЬГОВ

«ДО НОГИ ПРИВЯЗАЛА ЧУРБАК И ДЕРЖУ, НЕ ОТПУСКАЮ»: СЛАВЯНСКАЯ «КОЛОДКА» В ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЕ УКРАИНСКИХ СЕЛ ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В статье приводится описание зафиксированного у украинцев междуречья Волги и Дона древнейшего славянского масленичного обряда – «колодку тягали» («колодку вязали»).

Ключевые слова: Волго-Донское междуречье, украинцы, Масленица, «колодку тягали».

Масленичные обряды сельского населения междуречья Волги и Дона, как часть календарной обрядности, изучены недостаточно и представляют значительный интерес. Важную информацию по данной теме можно почерпнуть в трудах историков и этнографов XX вв. Б. А. Рыбакова, Т. А. Агапкиной, В. К. Соколовой, Г. Д. Астапенко и др. [1]. Личные беседы, интервью с сельскими жителями нижеволжских украинских сел стали источниковой базой для написания статьи. Календарным и семейным обрядам малороссов Поволжья посвящено несколько ранних публикаций автора [2].

Анализ полевых материалов показал, что жители малороссийских сел широко справляли масленицу: возводили карусели, наряжались в лучшие одежды, катались с гор, ездили на лошадях. «На Масленицу у нас было всегда катание. Карусель делали на столбу. Ставили столб, на столб ставили колесо. От этого колеса вот тросы протягали и внизу делали скамеечки. И вот этот начинает одного человека только крутнёт, а колесо-то начинает крутиться. И начинают все крутиться, и потом мы их подталкиваем. Потом на маслину делали такие: ось из фуры зарывали в землю, и одедали сверху колесо деревянное на эту ось, и

привязывали жердь метров шесть-восемь. И к этой жерди привязывали санки. И вот на санки ложишься, а человек пять крутит эту жердь. И они пошли крутить. Держишься. А бывает, не удержишься, а как только отпустишь эти санки и тебя ветром как сдует с них. Это для ребятишек игра была. А взрослые вот парубки, девки запрягали хороших лошадей, цветы на лошадях вот. Украшали всю сбрую. Сами хорошо наряжались и катались на лошадях по селу с колокольчиками, чтоб все видали у кого лучший конь» [3]. «В понедельник так «разваруха» начинается, а среда, четверг, пятница – «полный разгул». Ну, как бабушка рассказывала, що ее сыны все на гармошке играли. Обязательно одна гармошка пропадэ. Они в «разгул» любили. Запрягают лошадей, готовят сани-розвальни. Мы человек шесть садимся на них и где-нибудь поломаем. Прокатятся там. Кто заложит трошки самогони из бурьки звариннаго и все» [4]. Устраивали «вечерницы» (танцевальные вечеринки местной молодежи). Зятья приезжали к тещам. На «прошенный день» совершали ритуальный обход родственников, выпрашивая прощение за нанесенные в течение года обиды. Обряд сжигания чучела не зафиксирован. Всю неделю малороссы пекли блины, олады, «оришки», «крэндэли»,

варили вареники, делали самодельные конфеты. В понедельник масленичной недели в селах Гончаровка и Шелестово Октябрьского района местные жители «колодку тягали» [5]. В своей монографии Т. А. Агапкина приводит описание древнейшего славянского обряда [6]. Обычай, связанные с бревном и «совершаемые с целью наказать и высмеять молодых людей и девушек, вовремя не вступивших в брак, известны в Словении и на словенско-хорватском пограничье, в западной и центральной Словакии, в центральной и юго-восточной Польше, на востоке и западе Украины, спорадически в Белоруссии и в западно- и южнорусских областях» [6, с. 227]. «Колодка» в многонациональную этническую культуру населения междуречья Волги и Дона привнесена украинцами, переселившимся сюда много веков назад. Этот обряд, видоизменившись, существует и сегодня.

Опираясь на многочисленные документальные свидетельства, Т. А. Агапкина подчеркивает, что сельская община осуждала мужчин-холостяков и незамужних девушек. «Молодым людям и девушкам, вовремя не вступившим в брак, привязывали к ноге тяжелое бревно, полено и другие деревянные предметы и заставляли их тащить это по селу на глазах у всего сообщества» [6, с. 227]. Обряд «носил матримониально-эротическое значение» и совершался «для стимуляции браков, которых не доставало в той или иной местности» [6, с. 231–232]. В славянской масленице «обычай волочения бревна ... воспринимались у славян почти исключительно как форма наказания безбрачия, а также иногда – как способ стимуляции супружества» [6, с. 233].

Воссоздадим событийный ряд обряда, совершаемого в первый день масленицы. Селяне (как правило, замужние женщины [7]), взяв веревку и чурбан (обрубок бревна), шли к неженатому парню, незамужней девушке, их родителям домой, и привязывали бревно к ноге. Хозяева должны были либо волочить его по комнате (по улице), либо откупаться, «проставиться». «“Колодку тягали”. Ну, идэшь, у кого нэжэнатый парэнь, девка, бэрэшь шось там вэрэвку, а тоди за тий вэрэвкой або тазык, або чурбан тьянэшь. Прыйдэшь, прэвьяжэшь дэсь до койкы ийи матя. А дитвора тоди вэрэчуають. Но в основном цэ так стари [старые люди, старики. – П. С.] делалэ. Налэвають рюмку, вэпэвають, тоди отвязують. Дальше идуть. И так идуть скрис компания цила. Вэрэвку взяла, з вэрэвкой прэшла, стул стоить. Як стул вэрэвкой и до ногы привязала и дэржу, нэ отпускаю, покы начнуть выручать. Если мужик есть – мужик вэрэчае. Если детвора дома – детвора. Налэвають там 100 грамм. На маслену самэ утром идуть и вэсь дэнь тягають до самого вэчэра. Ну, до вэчэра натягаются, а тоди вэчором гуляють. Да, у в пэрвый дэнь» [8]. Родители несли ответственность за нежелание ребенка вступать в супружеские отношения. «И так у кого есть или сын, или дочка не замужем и

неженатые, ну вот, колодку вязали родителям и самому жениху, чтоб раньше женился. Да, родителям, чтобы женили его, или там дочку отдавали. Вот это было. На лошадь сидалы, и цветы там наряжали. и пошел по улицы. И встречалы, у кого есть сын или дочка замуж да жениться, они вязалы колодку, привязывалы до ногы» [9]. «Идуть до жены их, дэ невеста есть, вот им колодку вяжут, штоб они быстрее замуж отдавалы, женылы своих дэтэй» [10]. «У меня жена в школу идет, вот сын неженатый, она бутылку берет, закуску, шо знает, вязать будут. Сразу, чтоб тебя не мордовали, не тискали, на стол и все – угощайтесь» [11]. «Раньше тоже было строго, когда у тебя неженатый сын, но он должен жениться, а вот почему-то не жениться. Вот когда так наказание было матери, и этому вот дитю. “Надо тебе жениться, ты до сих пор не женился, это не по правилам”» [12]. «Хозяйке вязалы. А вязали тому, у кого есть жених, такой засидевший, надо его женить» [13]. «Ну, вот мы сидим, допустим, на работе. Он пришел, у него сын неженатый, мы его хватаем, что-нибудь ему привязываем. Он вырывается, потом начинает проставляться. В течение года должен сына женить, а то на следующий год будем ловить его, вязать. Отцу моему привязывали, конечно, я долго был неженатый. Бедный папа, сколько он проставился! Привязывали и отцу, и матери. Почтальоном работала. Ее тоже тут все подряд хватили и вязали радостно» [11].

С течением времени обряд трансформировался. Первоначально колодку вязали исключительно неженатому парню и его родителям. Сейчас же – и незамужней девушке и ее родителям. «Вообще не положено было, не положено было так делать. Это уже мы исковеркали вот эти законы стародавние. Только привязывался парню, которому надо было жениться, и матери. Ну, отцу, матери. И все. Девушке не имели права вязать. Ну, а потом, видите, все так пошло. Девушку должны, как по христианскому обычаю, брать ее должны в жены. А парень должен инициативу проявлять и брать именно к себе. А девушка тут была не причем» [12]. «Вот яму и вязалы. Поймали бревно такое к ноге, или к столу вяжут. Он и угощения ставит. Вот это угощение, угостили, через плечо с той колодкой. Это колодка называется, это бревно. Тащат на улицу. Кого поймали из ребят там, так вот везде они ходят по улице, а потом вечером соберутся. Вот идуть потом, если ему жениться надо, они к бревну, к столбу. Вот он деньги дает, чтоб отстали. Откупается одним словом» [13]. «Ну, вот мне кажется, что парням только раньше, а сейчас и девушкам» [14]. Неженатые парни, не желая быть наказанными за безбрачие, старались убежать. «Пытались убежать, конечно, это было, поэтому там хитрили, как-то что-то там заманивали. Раз только и поймали, и сейчас мы так делаем. Идет, идет, не подозревает, что мы – раз, поймал, окружили, поймали, привязали. Всё – откупайся! Вот

как он ехал на машине, он же не думал, что мы его перехватим. А мы увидели – опа-на – у него сын неженатый. Перекрыли дорогу, схватили, привязали. Всё, пока не откупишься. В машину залезем, пока не откупился, не отпустили его» [14].

Сам образ «бревна – колодки» менялся (корыто, таз, хозяйственная тележка, «громоздкое, неприятное»), но его ритуальная функция сохранялась. «Ну да, хватали какое-то дерево, веревочку к нему привязывали и цепляли. Потом брали что-то такое гремящее. Какое-то корыто, какое-то ведро привязывали к веревке. Лишь бы оно было громоздкое, неприятное, с которым не хорошо» [14]. «Вот тазики привяжут на веревочке. Як Василья в саму ночь посадють его в корыто, вин с гармошкою. Корыто это тянут, и тазок тот тянут на веревочке» [15]. «Собирались, как правило, улицей, брали подлиннее веревку там. Привязывали к этой веревке что-то деревянное или такое, ну, более весомое, чтобы, когда привязывают веревку и ногу человеку, чтобы он не сразу мог побежать или убежать. И в том-то вот и вся вот загвоздочка вот этой колодки, чтобы почувствовали тяжесть» [12]. В настоящее время бревно заменено бантом. «Ну, у кого сын неженатый, тому вяжут эту колодку. А какой-нибудь бантик привяжут. Ты обязательно должен проставляться. Вот они привязали ему. Он все, бутылочку поставил, и все, отпускают» [9].

В течение всего дня ходоки собирали выкуп (водка, снесь). Вечером начиналось пиршество. «Ну, откупались. Раньше було стряпалы. Пирожки там, блины делали и вот там чё-нибудь еще придумают, там вкуснятину яку-нибудь. Ну и конечно, и понемножку же водки. Много раньше не пылы. Раньше, даже вот не так водка, як они называли “бражка”. Тией бражкой свадьбы гуляли, и пэрэзовы делалы. От сватив до сватив и то там до егось родного родственника там то и делалы перезовы, просто по селу ходылы, як бы сказать, ну, веселылыся. Водку дюже много раньше не пылы, так як щас» [10]. «Ну, тогда практически в каждом дворе были все равно половина женатые, половина еще неженатые. Практически в каждый двор привязывали какую-то колодку там. Выбирали что-то такое там. К руке, ноге (не важно куда там), хоть на шею оденут – лишь бы привязать быстрее, это поймать, привязать. И хозяин должен откупиться. Ну, как правило, накрывали стол, угощали там. Это не обязательно прям засесть там и сидеть. Ну, там капельку уважить хозяина, покушать. Песни пели. И танец из двора в двор, строго с песнями. С песнями поют. Их [жителей, желающих принять участие в обряде. – П. С.] с каждым разом все больше. Не было такой жадины, которая бы не хотела откупиться. Цель какая – чтоб откупился. Все он угощает – откупился. Все, с него сняли, ушли к другому вязать» [14]. «Заходим в дом, до хозяйив, стало принимают, угощают, привязывали. Веревку привязывали. А песни поют, какие сумеют. Кто какую заведет» [16].

«Тогда угощение обязательно было на столе, как правило, богатое угощение. Песни пели. Все были дружны» [12]. «И привязывали колодку, штоб бутылку ставили за тэ. Выпивалы и дальше йихалы. А в одной компании собирались в квартирку и выпивали. Все там насобирали. И все там пьют тогда. Пьют, гуляют там, песни поють, гармошка у них там. Песни пели, гуляли, вот эту вот колодку танцевали» [9]. «Да, должен ублажить тех, кто тебе привязал» [11].

В с. Гончаровка отмечают, что «колодка» – это женский праздник, на котором не должно быть мужчин. «Толпа набирается, одни женщины, мужчин там никогда не было. Я никогда не помню, чтоб мужики были. Я вообще считала, что это женский день. Только женщины там были, и мы продолжаем так же сейчас. Ловим мы и мужиков, неважно кого привязываем, но в этом только женщины участвуют, вот про колодку» [14].

Подчеркнем, что важными моментами обряда «колодки» («колодку тягалы», «колодку вязалы»), записанного нами у малороссов междуречья Волги и Дона, являлись ярко выраженное осуждение сельской общиной парней-холостяков, незамужних девушек, их родителей и традиционный для славянской традиции мотив «выкупа» («выручае», «нальвають там 100 грамм»).

Литература, источники и примечания

1. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981; Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002; Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начало XX в. М., 1979; Астапенко Г. Д. Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков XVII–XX вв. Батайск, 2002.

2. Пальгов С. Ю. «Она вся мохнатая у соломе и вот ее зажигают»: масленичные обряды русского и украинского населения Нижнего Поволжья и Подонья // Перспективы развития научных исследований в 21 веке: сборник материалов 4-й Международной науч.-практ. конф. Махачкала, 2014. С. 74–76; *Он же*. Святочные обряды в традиционной культуре малороссов Волгоградской области // Музыка в современном мире: наука, педагогика, исполнительство: тез. VII Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов, 2011. С. 150–153; *Он же*. «Утро венца» в свадебном обряде украинцев (Песенный фольклор Волгоградской области) // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 2 (40). С. 64–66; *Он же*. Зимние ритуальные обходы дворов и обряды сельских малороссов Нижнего Поволжья // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 3 (41). С. 53–55; *Он же*. Свадебный обряд малороссов Нижнего Поволжья и Подонья // Труды конференции «Покровские Дни»: в 2 т. Т. 1. Нижний Новгород, 2013. С. 16–47 и др.

3. Полевая запись автора (Далее – ПЗА) в январе 1996 г. С. Новокрасино Руднянского района

Волгоградской области (Далее – ВО). Информатор (Далее – Инф.) Кравченко А. К. 1930 г. р.

4. ПЗА в январе 1996 г. С. Козловка Руднянского района ВО. Инф. Кравченко М. А. 1925 г. р.

5. Впервые сведения об обряде были записаны в сентябре 2001 г. в с. Гончаровка Октябрьского района ВО от 71-летней Р. П. Божко. Спустя 13 лет, в марте 2014 г., при повторной этнографической экспедиции с информатором встретиться не удалось. Она прикована к постели.

6. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы... С. 203–244.

7. «Колодку могли вязать только те, у которых женатые сыновья, и замужем девчата. Уже люди

довольно-таки зрелого возраста» (ПЗА, Сеньковой Н. В. 15 марта 2014 г. С. Шелестово Октябрьского района ВО. Инф. Отрышко В. А. 1946 г. р.).

8. ПЗА в сентябре 2001 г. С. Гончаровка. Инф. Божко Р. П. 1930 г. р.

9. С. Шелестово. Инф. Маликова Ф. Д. 1939 г. р.

10. ПЗА, Сеньковой Н. В. 15 марта 2014 г. С. Гончаровка. Инф. Кумейко А. И. 1937 г. р.

11. С. Шелестово. Инф. Луговой Ю. М. 1957 г. р.

12. С. Шелестово. Инф. Отрышко В. А.

13. С. Шелестово. Инф. Ерофеева К. П. 1931 г. р.

14. С. Гончаровка. Инф. Петрухина В. П. 1959 г. р.

15. С. Шелестово. Инф. Морозова В. И. 1938 г. р.

16. С. Шелестово. Инф. Коновалова В. А. 1940 г. р.

**S. Y. PALGOV. «TO MY FEET TIED CHURBAK AND HOLD, DON'T LET GO»:
SLAVIC «BLOCK» IN THE RITUAL CULTURE UKRAINIAN VILLAGES OF VOLGA-DON COUNTRY**

In the article the description fixed Ukrainians of the Volga and Don rivers ancient Slavic pancake ceremony – «pad thrust» («block knitting»).

Key words: *Volgo-Donskoe interfluve, Ukrainians, carnival, «pad» («pad thrust», «block knitting»).*

Э. З. ГУНБА

СЕМАНТИКА ОБРЯДА «ПЕРЕХОДА» В АБХАЗСКОЙ СВАДЬБЕ

В статье рассматривается семантика свадебного обряда абхазов. Подчеркивается значимость брачных запретов и драматургическая роль основных ритуальных действий: досвадебных, свадебных и послесвадебных. Описывается переход из одного статуса в другой и формирование нового облика героев.

Ключевые слова: *культура абхазов, обряды, свадебный ритуал, свадебные песни.*

Абхазы, как и другие народы Кавказа, отличались приверженностью к последовательному и точному исполнению многочисленных обычаев и ритуалов. Это накладывает особый отпечаток не только на повседневное поведение абхазов, но и на мышление, на способы восприятия и категоризации окружающего мира. Изучение абхазского традиционного свадебного фольклора в ракурсе этномузыкологии является актуальной, но сложной задачей, поскольку феномен свадебной музыкальной культуры характеризуется многовариантностью и самобытностью локальных проявлений. Актуальность исследования традиционной свадьбы обусловлено важнейшей ее ролью в жизненном цикле человека. Для общества в целом данный акт был доказательством собственной полноценности, способности правильно воспитать молодое поколение в области культуры взаимоотношений, жизненных традиционных устоев. В свадьбе, даже в самой современной ее интерпретации, присутствуют черты древнейшей языческой мистерии. Она выходит за рамки внутрисемейных обрядов, поскольку регулирует взаимоотношения не только брачующихся, но и вступающих в родство. Одной из основных целей свадебного ритуала было общинное признание, именно поэтому в обряде действовало большое количество участников – родственников, соседей, друзей, что закрепляло статус семьи.

М. М. Барцыц пишет: «Ритуал является наиболее действенным (по сути единственным возможным) способом переживания человеком критических жизненных ситуаций. К таковым жизненным ситуациям, наряду с рождением и смертью, относится вхождение в брак. Как и во всех ритуалах перехода, данный переход был возможен только через прекращение добрачного существования, т. е. через умирание. Главные действующие лица фактически не являются таковыми, они, скорее всего, пассивные объекты ритуала. Как и в двух других обрядах перехода – (рождении и смерти) оба героя бездействуют, они «недееспособны». Более того, «они на время как бы выпадают из социума», ограничение их контактов с социумом компенсируется тем, что эти функции берут на себя их дружки (ахацаюьза, атацаюьза)» [1].

Изоляция героев свадебного ритуала началась уже с обручения, при котором они оба зачастую не присутствовали. Жизненное пространство сосватанной невесты оказывается максимально суженным, она в какой-то степени становится в своем мире уже чужой.

На втором этапе обряда, на пути в «чужой мир», ее также ожидают трудности. Свадебный кортеж должен был преодолеть все устраиваемые ему препятствия как при выезде из дома невесты, так и при въезде в свой. В цикле перехода невесты